

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Научно-исследовательский социологический центр

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**
Сборник научных трудов

Выпуск 16

Нижний Новгород – 2016

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ В АГРЕССИВНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ

В статье анализируются вопросы социальной составляющей и социальных последствий внедрения крупных инновационных федеральных проектов на территории конкретного региона. Подробно освещается борьба вокруг строительства Нижегородской атомной станции, приведшей к закрытию проекта. Рассматриваются условия, аргументы и акторы этой борьбы. Осуществлено сравнение дискуссии вокруг проекта Нижегородской АЭС и проекта подъёма уровня Чебоксарского водохранилища до проектной отметки. Приводится пример решения социальных проблем, возникающих при внедрении крупных национальных проектов в конкретном регионе Рур земли Северный Рейн–Вестфалия (ФРГ).

Ключевые слова: инновации, иностранные агенты, региональное социально-экономическое развитие, федеральные проекты.

Экономическое развитие регионов России во многом зависит от развертывания на их территории крупных национальных индустриальных проектов, причем особенное значение в этом случае имеет социально-экономическая история территории. Так строительство многопрофильного предприятия близ деревни Сормово под Нижним Новгородом (акционерное общество «Нижегородская машинная фабрика и Волжско-Камское буксирное и завозное пароходство») в середине XIX века положило начало превращению Нижнего Новгорода в крупный индустриальный центр. Наличие Сормовского завода во многом определило собой то, что в 1915 г. в Нижний Новгород, крупный промышленный центр России было эвакуировано из Риги моторостроительное предприятие «Фельзер и К^о» (завод «Двигатель революции»), который уже в 1916 г. начал выпуск оборонной продукции. В 1915 г. на Арзамасом шоссе, близ посёлка Мыза началось строительство телефонного завода (ныне ПАО «НИТЕЛ»), начавший выпускать продукцию в начале 1917 года. Активное размещение и строительство промышленных предприятий развертывается в Нижнем Новгороде в период индустриализации, причем важным фактором является то, что в городе к этому времени сформировался необходимый для этого кад-

ровый потенциал и, к тому же, город имел репутацию крупного индустриального центра. В 1932 году начали работать Нижегородский автозавод (впоследствии ГАЗ) и завод им. Орджоникидзе № 21 (ныне Нижегородский завод «Сокол»). В том же году основан завод «Новое Сормово» для развития мощностей кузнечного производства завода «Красное Сормово», однако в 1934 году на заводе было организовано конструкторское бюро В.Г. Грабина, и в годы Великой Отечественной войны завод выпустил 100 тысяч пушек. Последний пример особенно характерен: первоначально завод задумывался как подсобное кузнечное производство, но наличие на территории достаточного социального потенциала позволило перейти на значительно более высокие технологии – выпуск артиллерийских стволов – самую сложную и ответственную часть пушки.

В годы застоя столь интенсивное развитие экономики сменилось ориентацией на получение доходов от экспорта нефти и газа и это явилось одной из причин распада Советского Союза. «СССР развалился, потому что перестал расти, перестал осуществлять крупные инфраструктурные проекты, такие как ГОЭЛРО и БАМ. <...> СССР так и не смог решить задачу по созданию достаточно крупной территории для разворачивания индустриальных технологий из-за отсутствия объединяющей инфраструктуры, адекватной геоклиматическим условиям страны» [6, с. 89-90].

Крупные национальные проекты из-за своей масштабности, кроме безусловных достоинств, нередко несут в себе определенное социальное напряжение и, возможно даже угрозы для регионов, в которых они осуществляются. Так, строительство Горьковской ГЭС, начатое в 1948 и завершённое в 1962 гг. сопровождалось возникновением поселка (впоследствии города) Заволжье с развитой инфраструктурой, расположенного в экономически развитом регионе, который к тому же имел технологическое преимущество – наличие дешевой электроэнергии. Строители электростанции, после завершения строительства, нуждались в работе и для решения этой проблемы здесь были созданы моторный завод, завод гусеничных тягачей, завод железобетонных конструкций. Но производственная, технологическая культура строителей оказалась недостаточной для производства такого сложного агрегата, как автомобильный двигатель и в течение длительного времени ГАЗ вынужден был сохранять собственное моторное производство из-за

низкого качества заволжских моторов и из-за их неритмичной поставки. В условиях планового хозяйства для решения этой проблемы создавались необходимые условия и впоследствии эти социальные проблемы были решены, но на это потребовался период в два поколения.

Ныне социальные проблемы требуют более интенсивного решения, причем социальная проблематика значительно усложнилась: «...модернизация экономики – это прежде всего социальная модернизация, ибо без изменения всей толщи социальных отношений невозможны изменения в отдельных сферах социально-экономической жизни страны» [6, с. 85]. Для примера рассмотрим проект строительства Нижегородской АЭС, вызвавший мощный социальный протест не только в Нижегородской области, где планировалось строительство станции, но на территории Владимирской области, граничащей с местом предполагаемого строительства. Регион, в котором планировалось строительство станции, является депрессивным, не имеющим сколь-нибудь оптимистичных перспектив своего социально-экономического развития без радикальной помощи со стороны федеральных властей. Существенной проблемой экономического развития данной территории являлся, в частности, дефицит энергоресурсов: и Нижегородская, и Владимирская области характеризуются высокоразвитой промышленной специализацией, развивающимся производством, требующим дополнительных энергоресурсов. Атомная Электростанция, которую планировалось построить в Нижегородской области в Навашином районе, вблизи села Монаково, решала эту проблему. Сторонники строительства АЭС подчеркивали, что такой крупный проект мог бы стать существенным толчком к экономическому и социальному развитию огромной территории, включающей несколько районов из двух крупных промышленных регионов Российской Федерации. Однако специфика нынешнего времени перевела проблему строительства из кадровой и технологической сферы в социально-политическую и помимо сторонников строительства станции, обосновывавших свою позицию необходимостью развития территории, появились и противники. Они выстраивали свою аргументацию на активном обсуждении произошедших атомных катастроф, особенно аварии в Чернобыле и Фукусиме, используя и интенсивно подпитывая атомную фобию (радиофобию).

Группа противников строительства АЭС неоднородна и наиболее активными среди них были местные политики, использующие протестные настроения населения в собственных политических интересах. Проблема отношения общественности к строительству АЭС в России является относительно новой и малоизученной, т.к. большинство атомных станций, появляющихся в России, были спроектированы или запланированы ещё в советское время и соответственно изучение отношения общественности к строительству этих станций уходит ещё во времена Советского Союза. Проблемы строительства Нижегородской АЭС – это вопросы уже современной молодой России. Проблема отношения широких слоев населения к мирному атому исследовалась на основе контент-анализа материалов Интернет-форумов и статей на эту тему в СМИ. Обстоятельства этой ситуации подробно анализировались нами в ряде статей (см., например, [4; 5]). В частности отмечается, что радиофобию активно распространяют активисты природоохранных организаций, благодаря которым информационное поле насыщено самыми пессимистичными и пугающими оценками работы атомных электростанций и ее последствиями. При этом высказываются опасения даже не перед гипотетическими авариями, но перед самим фактом существования АЭС, и особенно – вблизи человеческого жилья. Это направление деятельности наиболее мощно представлено в период дискуссии по поводу строительства АЭС в 2011/12 гг. в публикациях муромской прессы, а также федеральных публикаций по поводу строительства Нижегородской АЭС. Фактически Муром в этот период – это очаг радиофобии. Радиофобия вживается в общественное сознание посредством трансляции соответствующих ей идей влиятельными и уважаемыми социально активными персонами через СМИ. Наиболее влиятельными и популярными активистами-противниками реализации атомного проекта в данном регионе являлись В. Качеван, Н. Чайковская и О. Кузичкин, а также столичные общественные деятели А. Яблоков, В. Сливяк, В. Милов и А. Ожаровский.

Позиция и аргументация муромских общественных деятелей понятная и связана с определенными локальными обстоятельствами. Так, позиция О.Р. Кузичкина, доктора наук, профессора, первого заместителя директора Муромского института Владимирского госуниверситета, основана на многолетнем опыте исследовании карстовых про-

цессов и почв в районе будущего строительства. Являясь авторитетом в этом вопросе, он отмечает, что строительство АЭС именно на этой территории, в Монаково, опасно, а поэтому невозможно и неприемлемо. Эту точку зрения активно поддерживает профессор Н.В. Чайковская, директор Муромского института (филиала) ВлГУ, экономист. Позиция Чайковской и Кузичкина во многом связана с долей обиды от того, что местные ученые не были приглашены к экспертизе на этапе проектирования строительства. Следует отметить, что жители Муром, города с тысячелетней историей традиционно смотрят на Навашино и его обитателей несколько свысока: история Навашино ограничивается несколькими десятками лет. Чувство обиды муромлян усиливается в связи с тем, что высокая московская комиссия, организовавшая общественные слушания в Навашино, проигнорировала Муром и его обитателей. Именно это обстоятельство используют в своей деятельности местные политики, особенно в период выборов, чем и воспользовался в свое время и В.А. Качеван, являвшийся главой городского округа Муром. Именно этим в первую очередь объясняется активность муромских общественных слушаний, параллельных навашинским, на которые прибыли и столичные общественные деятели.

Солидные московские фигуры практически профессионально занимаются борьбой с атомной энергетикой в России – прежде всего А. Яблоков, В. Сливяк, В. Милов и А. Ожаровский. Их работа, направленная не на конструктивный диалог с госкорпорациями, ответственными за строительство АЭС, а на политическое давление на власть с помощью общественного мнения. Публичный диалог с ними – бесперспективное занятие. Их лозунги и призывы ориентированы на разжигание радиофобии и протестных настроений среди населения России в целом и жителей Муромского и Навашинского районов в частности. Бессмысленность такого диалога может быть прекрасно проиллюстрирована афоризмом Бертрانا Рассела: «Вся проблема с миром в том, что дураки и фанатики так уверены в себе, а умные люди полны сомнений». Только речь в данном случае идет не о глупости и фанатизме оппонентов, а о весьма распространенном приеме информационной войны, когда конструктивная позиция, отличающаяся менее активным протестом и развернутой аргументацией, проигрывает оппонентам. Их полемика ведется в режиме шоу, шумных выкриков и

громких обвинений и тогда сложная профессиональная аргументация просто не может быть услышана.

Особое место среди штатных противников атомной энергетики занимает А. Ожаровский, активно реализующий зарубежные гранты и позиционирующий себя как независимый эксперт, по образованию инженер-физик – один из наиболее ярких противников строительства АЭС в Монаково. Он активно борется не только за экологию, но и за права человека, а также является координатором рабочей группы ANPED (Северный альянс за устойчивое развитие) по энергетике. Позиция А. Ожаровского, по вопросам атомной энергетики сочетает в себе как собственные экспертные оценки в полемике с представителями Росатома, так и агрессивную общественную политику, включающую в себя организацию публичных протестных мероприятий, таких как пикеты и демонстрации. В то время как его оппоненты говорят о состоятельности новых технических решений, критика Ожаровского основана на обвинениях сторонников строительства в нечистоплотных методах противостояния. Вольно или невольно он стал мощным инструментом дискредитации Росатома и ослабления его позиций. Говоря современным языком, этот деятель и его общественные организации являются именно теми иностранными агентами, ради которых и был создан соответствующий законопроект, подвергающийся активной критике как со стороны отечественных правозащитников, так и зарубежных политиков и общественных деятелей.

Аналогичные законопроекты по поводу сходных проблем принимаются и в других странах. «В конце мая власти Индии запретили работающим в стране НКО, выступающим с критикой власти, получать иностранное финансирование. Последней каплей, переполнившей чашу терпения индийских правительственных чиновников, стали массовые выступления против строительства АЭС вдоль береговой линии полуострова Индостан, таких как “Jaitapur”, “Mithi Viridi” и особенно против совместного российско-индийского проекта “Kudankulam”» [8]. Руководство страны отмечает, что протесты против российско-индийского ядерного проекта направляются из-за рубежа, прежде всего, из США, и негативно отражаются на государственных интересах. Реакция оппозиции на этот законопроект также аналогичен российской: «... представители НКО обвинили власти в нарушении их прав и посягательстве на демократические свободы» [8]. Характерно, что ин-

дейское руководство просто запретило деятельность на территории Индии неправительственных организаций, финансируемых из-за рубежа.

Содержание информационных сообщений и их настрой в значительной мере зависят от баланса интересов противоборствующих сторон. В вопросе о поднятии уровня Чебоксарского водохранилища до 68 отметки имели место региональные противоречия: решение этого вопроса было в интересах Чувашской республики, но создавало комплекс очень серьезных проблем для Нижегородского региона, а также для ряда территорий Марийской республики. Поэтому в социологическом смысле данная история серьезно отличается от информационных столкновений вокруг Нижегородской АЭС. Внешне эти два события – строительство АЭС и подъем уровня водохранилища – не только похожи один на другой, но и фактически посвящены одной теме. И в том, и в другом случае речь идет о крупном федеральном энергетическом проекте, и в том, и в другом случае эти проекты направлены на решение актуальной энергетической проблемы региона. В обоих случаях налицо сторонники и противники проекта, и у тех, и у других есть аргументация за и против. Однако при более внимательном изучении просматриваются заметные отличия. Прежде всего, следует отметить, что интенсивность освещения проблем Чебоксарского водохранилища в средствах массовой информации и, особенно, в Интернет заметно ниже, чем полемика вокруг Нижегородской АЭС, причем сообщения, связанные с атомной станцией, насыщены конфликтным содержанием [3, с. 106-107].

Освещение проблем Чебоксарского водохранилища в Интернет охватывает широкий круг вопросов – от тонкостей рыбалки до технических подробностей энергетики, но здесь практически отсутствуют сюжеты, связанные с протестом против поднятия уровня водохранилища. Здесь меньший накал полемики, отсутствуют столичные политики, здесь нет ярко и профессионально поставленного протеста. Протест присутствует, но в нем просматривается нежелание того, чтобы обсуждение темы не вылилось в политический протест. Иностранцы не только не имеют таких опасений, но, напротив, акцентируют политический аспект проблемы. Упомянутая выше конференция в нижегородском научном центре РАН избегала анализа социально-политических аспектов проблемы, ограничивая себя только есте-

ственнонаучными и техническими вопросами. Но обсуждение показывало, что как раз именно общественные, социальные, гуманитарные проблемы находятся в центре этой проблематики, которая в свое время обсуждалась советской интеллигенцией в контексте пронзительной повести В.Г. Распутина «Прощание с Матёрой», посвященной судьбе Малой Родины. Именно в таком аспекте эти проблемы освещались в нескольких выступлениях представителей Нижегородского Областного Законодательного Собрания, Марийского парламента. Они привносили определенное социально-политическое звучание темы в связи с тем, что эти территории уже несут существенные социальные, экономические издержки. Причем в рамках чисто технической дискуссии звучали сведения о том, что даже далеко отстоящая от Чебоксарского водохранилища Рязанская область уже несет заметные убытки в связи с необходимостью укрепления берегов. И там, в Рязанской области есть села, стоящие на высоких окских берегах, которые в связи даже с небольшим подъемом воды начинают интенсивно подмываться. Это приводит не только к убыткам, повышенному напряжению скудных бюджетов этих населенных пунктов, но и к тому, что нарушается нормальное развитие этих поселений, появляется опасность стагнации этих пока еще вполне благополучных мест. «... проведение проектных работ на территории Республики Марий Эл и Нижегородской области вызвало общественное неприятие и социальную напряженность. На территории этих регионов в 2011 — 2012 годах гражданами и инициативными группами было собрано и направлено президенту Российской Федерации свыше 400 тыс. подписей под письмами протеста, прошли многочисленные пикеты и митинги против проекта. Кроме того, отрицательная оценка проекту дана и на научной конференции в нижегородском научном центре РАН в апреле 2013 года» [2].

Данную проблематику необходимо рассматривать и в контексте экономической географии. В этой связи целесообразно вспомнить замечательную монографию Г.М. Лаппо, где он говорит о городских агломерациях и отмечает уникальность Нижегородской городской агломерации. Специфика ее в том, что она в чем-то напоминает наиболее развитые городские агломерации Европы, Америки и Японии, где есть несколько громадных развитых городских образований (мегаполисов), расположенных вдоль экономических осей. «Аналогичных по масштабам урбанистических образований в России нет, и в бли-

жайшей перспективе они не появятся. Однако тенденция формирования полос расселения и цепочек городов вдоль полимагистралей появились. Пример – 400-километровая полоса Москва – Нижний Новгород, сложившаяся по реке Клязьме, которая издавна служила осью промышленного района, а также вдоль железнодорожной и автомобильной магистралей. Здесь десять больших городов и более двух десятков малых и средних. На обоих концах оси расположены агломерации – Московская (15 – 16 миллионов жителей) и Нижегородская (около 2 млн). Нижний Новгород с его крупнейшей в России ярмаркой служил естественным выходом на восток для продукции Московского промышленного района. В советское время он развил сходные с Москвой отрасли – автомобилестроение, авиастроение, станкостроение, электротехнику и стал в известной степени дублером Москвы» [7]. Другие урбанистические оси заметно менее развиты и, например, на оси Москва – Санкт-Петербург гораздо меньше городов – как крупных, так и средних, и малых. Развитие в России новых органичных экономических урбанистических осей и, на их основе мегалополисов, дающих мощный импульс развитию страны, в ближайшей перспективе не следует ожидать, а к такому перспективному образованию следовало бы относиться доброжелательно. «Потенциал полосы Москва – Нижний Новгород далеко не исчерпан. Но как продолжится развитие ее городов, сложится ли подлинный мегалополис, учитывая демографическую недостаточность и неясности экономической стратегии России, сказать трудно» [7].

Продолжая мысль профессора Лаппо, содержание его осторожно-пессимистических оценок, можно отметить, что поднятие воды и естественные в связи с этим необходимые водоохранные мероприятия создадут проблемы в развитии территорий Нижегородской агломерации. Эти проблемы связаны, например, с тем, что в Нижнем Новгороде появляется необходимость создания каналов для стока избыточных грунтовых вод и откачки воды из этих каналов для спасения заречной части метро. Профессор Е.В. Копосов, выступая на конференции, отметил, что для откачки воды из таких каналов электроэнергии понадобится примерно столько же, сколько будет дополнительно вырабатывать Чебоксарская ГЭС в результате поднятия воды на пять метров. Этот расход энергии будет поддерживать некоторый баланс безопасного функционирования города, однако если произойдет энергетиче-

ский сбой, катастрофы не миновать. Как минимум будет надолго выведена из строя транспортная инфраструктура Нижнего Новгорода. Следует отметить, что подъем грунтовых вод в заречной части города – не единственная и даже не самая страшная проблема. Гораздо более опасным является подъем грунтовых вод в Дзержинске, где в захоронениях промзоны накоплены большие запасы высокотоксичных веществ. Вымывание этих ядов может привести к необходимости поиска новых источников водоснабжения многих городов и поселений ниже Дзержинска по течению, потребляющих окскую и волжскую воду, в том числе и Нижнего Новгорода.

Все это означает, что Нижегородская городская агломерация остановится в своем развитии, потому, что бюджет области ограничен и, безусловно, потребуются федеральная помощь, хотя и сейчас эта помощь необходима при строительстве мостов, стадионов, федеральных дорог. Но такая поддержка федерального центра направлена на развитие региона и, на этой основе, всей страны, но при поднятии воды финансовые затраты будут направляться не на развитие, а на поддержание status quo и средства, направляемые на развитие инфраструктуры, неизбежно будут уменьшаться. А это означает, что Нижегородская городская агломерация остановится в своем развитии и возможна деградация этой очень важной для всей России социально-экономической территории.

Важным аспектом социального содержания данной проблемы является наличие социальных групп, имеющих определенную позицию по данному вопросу, позицию, которая определяется социально-экономическим положением представителей этих групп. Это группы имеют конкретные интересы, которые следует рассматривать в финансово-экономическом и социальном разрезах. В финансово-экономическом аспекте эти группы просматриваются достаточно явственно: это выгодоприобретатели и их бюрократическое окружение. Сюда же можно отнести и экспертов, обслуживающих интересы выгодоприобретателей. Безусловно, эксперты не являются иностранными агентами, но обслуживание частного интереса может осуществляться вразрез с интересами региона. Интерес экспертов может ограничиваться получением крупного научно-исследовательского заказа и эту экспертную группу называют гидрологическим лобби, которое в состоянии продавить любое решение, подчас самое нелепое. Наличие такой группы

наиболее ярко проявляется, например, в том, что экспертное сообщество как бы делится на две части и представители этих двух частей дают принципиально отличающиеся результаты своих научных исследований. Эксперты, действующие в интересах выгодоприобретателя, показывают возможные убытки на два-три порядка ниже, чем независимые эксперты, живущие в социальном пространстве, находящемся под угрозой грядущих изменений. Такие отличия нельзя объяснить только разницей в используемых методиках: совершенно очевидно, что социально-экономические столкновения проникают и на почву естественнонаучных замеров. В области же социальных наук полемика в таком стиле является делом обычным.

По вопросу о подъеме уровня Чебоксарского водохранилища можно выделить две активные социальные группы по интересам – это, одной стороны, руководство Чувашии, а, с другой – руководство Нижегородской области и Марийской республики и общественность этих территорий. Эти территории несут существенный урон в связи с подъемом воды и к 2013 году подтоплено и затоплено 119 населенных пунктов – деревень сел, малых и средних городов. Представитель Марийского парламента на упоминавшейся выше конференции говорил о том, что жители некоторых сел до сих пор съезжаются в определенные дни – дни поминовения своего села и своих предков и говорят о том, что они теряют свою малую родину. Важным моментом взаимоотношения этих групп – выгодоприобретателей и понесших ущерб – является то, что выгодоприобретатель, владея плотиной (акционерное общество РОСГИДРО), получает выгоду, прибыль, а убытки несут жители и администрации затопляемых территорий. Выгоды и потери разнесены и в этом заключается главное экономическое противоречие. Если бы были соединены выгоды и потери – в балансе выгодоприобретателя – то будет установлен баланс интересов.

Мировой опыт показывает, что такой баланс установить можно. Так, в Рурской области, в одной из самых густонаселенных территорий Германии, происходит открытая добыча бурого угля. Выгодоприобретателем является Рейнская бурогольная компания (“Rheinische Braunkohlenwerke”), принадлежащая государственной компании электростанций “RWE”, которая осуществляет эти разработки. Добыча угля производится на 5 карьерах данной фирмы. Мощность пласта составляет 20-70 м, глубина залегания – 220-320 м, причем более

мощные пласты лежат на глубине 400-500 м и их тоже планируется разрабатывать. За год карьерами обрабатываются участки площадью 300-400 га. Напомним, что эта работа ведется в земле Северный Рейн-Вестфалия, где плотность застройки является не просто максимальной, но самой большой в Европе. Чрезвычайно высокая плотность – десятки тысяч человек на 1 км²; десятки крупных, средних и малых городов, слившихся в полицентрическую агломерацию почти без всякого просвета; густота железных, трамвайных, автомобильных дорог и каналов с интенсивно движущимся по ним транспортом, а также сеть трубопроводов, линий электропередач; шахты, электростанции, заводы, фабрики, другие производственные корпуса, так что в Рурском ядре не застроенные и не используемые промышленностью участки земли составляли менее 1%. На левом берегу Рейна плотность меньше, но тоже очень высока.

Разработка вскрываемой земли и мощного угольного пласта осуществляется с помощью роторных экскаваторов и ленточных конвейеров, протяженность которых более 200 км. Понятно, что эта работа по определению должна доставлять большие неудобства не только жителям окрестных населенных пунктов, но и всем, кто пересекает данную территорию наземным транспортом. Должна доставлять, но не доставляет, ибо данная рейнская угольная компания берет на себя все расходы и решает все проблемы, возникающие в связи с их работой.

Работа начинается с того, что снимается слой земли толщиной 220-320 метров и, для того, чтобы представить объем этой вынудой пустой породы, может быть создан холм, радиус основания которого не менее 5 км, а высота – 80–150 м. По окружности такой холм (скорее даже гора) имел бы более 30 км. Эта гора (которая конечно имеет не коническую, а более сложную форму) остается на данном месте, она рекультивируется – засаживается кустарником и деревьями, покрывается дерном. Здесь прокладываются дорожки для прогулок, в том числе конных, создается привлекательная для жизнедеятельности зона. По мере продвижения на новые участки выработки, старые участки заполняются вновь полученным грунтом, восстанавливаются и рекультивируются. Ведется колоссальная работа по профилю садового дизайна, пожалуй, даже садовой архитектуры. «Все вопросы, связанные с рекультивацией, прорабатываются горнодобывающими фирмами в период составления проекта горных работ. Наибольший ущерб

окружающей среде наносит интенсивная разработка месторождений бурого угля открытым способом. Общая площадь земель, затронутых буроугольными разработками, около 300 тысяч га, из них к 1985 свыше 8 тысяч га возвращено сельскому хозяйству, свыше 80 тысяч га рекультивировано под лесные насаждения и около 2 тысяч га занято под водоёмы. В Нижнерейнском бассейне из 21 тысяч га нарушенных земель к 1985 восстановлено около 14 тысяч га (в т.ч. около 6 тысяч га переданы сельскому хозяйству и около 6 тысяч га занято лесопосадками)» [9]. Залежи угля охватывают большую территорию: ширина пласта колеблется в диапазоне 10–15-ти км, а длина выработки составляет более 120 км и в плане имеет вид громадной запятой.

Эта 120-ти километровая запятая проходит по густозаселенным районам Рурской области и неизбежно затрагивает интересы большого количества людей, которых приходится переселять на новые места. Поэтому компания-выгодоприобретатель осуществляет большой комплекс исследований на свои средства и не только по экологии. Работают архитектурные мастерские, работает большое юридическое подразделение, которое помогает людям без проволочек и нервотрепки расстаться со старой собственностью и обрести новую. Функционируют службы психологической поддержки, большое социологическое подразделение. Эти службы помогают людям примириться с необходимостью деятельности компании. Людей не просто переселяют на новые места, а прежде выясняют в каких условиях, в каких ландшафтах они хотели бы жить. И если, например, люди хотят жить в той же деревне, с теми же соседями, деревню выстраивают заново на другом месте, но примерно в том же ландшафте, и строятся примерно те же самые дома – с изменениями, о которых просят владельцы. Если люди хотят жить в другом месте им предлагают места в районе вокруг выработки. Переносятся железнодорожные пути, автобаны и автомобильные дороги. Жизнь людей в районе выработки не нарушается, происходит планомерное и продуманное перемещение людей и всей инфраструктуры на новые места. Производственный процесс предусматривает весь комплекс экологических мероприятий, которые позволяют людям, живущим вокруг этой разработки, жить нормально. Вокруг выработки по всему периметру поставлены высокие 20-ти метровые мачты. И когда поднимается ветер, в эти мачты подается вода и создается мощная водяная завеса, которая не пропускает пыль,

поднимаемую в недрах этой рукотворной долины. Интересно и то, что вокруг выработки устроены смотровые площадки с хорошим подъездом и с автостоянками, на которые постоянно кто-то приезжает.

Необходимо подчеркнуть, что современная немецкая социология принимает активное участие в системе управления Германии. Это приводит к тому, что в Германии, управленческие решения обоснованы, логичны, подробно аргументированы. В этом мы можем только позавидовать немецким социологам. Проблема нашего социологического знания состоит прежде всего в том, что управленцы не обладают необходимой социологической культурой и чаще всего не могут поставить задачу социологам и не понимают важность и нужность социологической информации для нужд социального управления. Однако проблема не только в том, что российские чиновники не хотят обращаться к услугам социологии, но и в том, что в недрах российской социологической науки немного специалистов, способных поставить социальный диагноз и дать рекомендации к решению возникающих проблем. Дело в том, что существуют две социологии – объясняющая (интерпретационная) и аналитическая [5]. В современной российской научной традиции основные силы ученых сосредоточены на объясняющей (понимающей, интерпретационной, идеологической) социологии. Аналитическая (конкретная) социология, в отличие от немецкой, медленно развивается в нашей стране. Это происходит в частности ещё и потому, что она слабо вовлечена в решение реальных социальных проблем.

А такие проблемы существуют, достаточно вспомнить полемику вокруг строительства Нижегородской АЭС, корни которой явно выходят за пределы границ Российской Федерации. Совершенно очевидно, что такие проекты нуждаются не только в формальной организации общественных слушаний, но им должна предшествовать серьезная подготовка, включающая в себя, в частности, конкретный социологический анализ социальной ситуации. Социологически не исследуется и не анализируется и проблема подъема уровня воды в Чебоксарской ГЭС до 68-й отметки, хотя эта проблема, кроме всего прочего, создает дополнительное социальное напряжение в обществе, которое может обретать неожиданные аспекты. Например, в Мари-Эл в связи с поднятием воды, как отмечали в кулуарах конференции представители этой Республики, нарастает элемент национализма. Он определяет в

качестве виновника данной ситуации не чувашскую администрацию и не РОСГИДРО, а Россию, русских, которые в своем эгоизме заставляют страдать марийцев. К сожалению, мы начинаем заниматься социальными проблемами тогда, когда уже происходит социальный взрыв, социальный пожар и начинаем работать на этапе тушения пожара. Совершенно очевидно, что необходимо заниматься этим на этапе профилактики пожарной безопасности.

Литература

1. Бадалян Л., Криворотов В. Пустить в рост // Однако. 20.12.2011. – URL: <http://www.odnako.org/blogs/pustit-v-rost/comments/> (дата обращения 18.03.2015).
2. В нижегородском Минэкологии считают заявление о неизбежном подъеме воды на Чебоксарской ГЭС необоснованным // ИА REGNUM. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/1857968.html>
3. Иудин А.А. Информационное давление в информационных войнах // Социокультурные корни насилия в современном обществе. Материалы международной конференции. / Под общей редакцией З.Х. Саралиевой. – 2013. С. 103-108.
4. Иудин А.А. Проблемы внедрения наукоемких технологий в условиях информационной войны. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 2012, № 1 (25), с. 45–51.
5. Иудин А.А., Шпилев Д.А. Современная социология: объясняющая и аналитическая. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 2 (34). – 2014. – С. 54–61.
6. Иудин А.А., Шпилев Д.А. Социальные проблемы модернизации страны и особенности сырьевой экономики. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 3 (39). – 2015. – С. 85 – 92.
7. Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012, с. 124.
8. Марков: Россия упорядочивает деятельность НКО. // «Взгляд». Деловая газета, 19 июня 2013.

9. Федеративная Республика Германия, ФРГ. // Горная энциклопедия – URL: <http://www.mining-enc.ru/f/federativnaya-respublika-germaniya/>

Iudin A.A.

Innovative projects In an aggressive information environment

The article analyzes the issues of social dimension and social implications of major innovative federal projects in a particular region. More highlights the struggle over the construction of Nizhny Novgorod NPP, which led to the closure of the project. The conditions, arguments and actors of this fight. Implemented the comparison discussion around Nizhny Novgorod NPP project and the project lifting the Cheboksary reservoir level to the design level. An example of solving the social problems arising from the implementation of major national projects in a particular region of the Ruhr in North Rhine-Westphalia (Germany).

Keywords: innovation, foreign agents, regional socio-economic development, federal projects.